

Парные и совместные средневековые погребения на Русском Севере (по данным антропологии)

История раскопок древнерусских могильников опирается на усилия нескольких поколений исследователей и отражает более чем полуторавековой этап. Со времен А. С. Уварова – первого исследователя курганных погребений, интерес к погребальным памятникам древнерусского периода не утратил своей актуальности. Сегодня работы такого рода ведутся практически во всех областях Древней Руси, отличаясь от ранних раскопок более совершенными методами полевых исследований и сформированной методологической базой. Следует отметить, что масштабное изучение материалов из погребальных памятников стало основой для формирования научных представлений о характере восточнославянских древностей, моделирования этнокультурных связей на Восточно-Европейской равнине, картирования границ этносов и миграционных процессов на этой обширной территории. Основы, заложенные А. А. Спицыным и продолженные трудами А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, В. В. Седова, М. В. Седовой стали классикой древнерусской археологии.

В нашей работе мы хотели бы обратиться к материалам многолетних плановых исследований могильников Русского Севера, проводимых с 80-х годов Н. А. Макаровым¹. Полученные в ходе этих раскопок

данные обозначили ряд новых научных направлений, расширяющих круг очерченных проблем. Это стало возможным благодаря раскопкам могильников широкими площадями (в некоторых случаях всей площади памятника), полному сбору практически всех сохранившихся костных останков человека (а не выборочно, как практиковалось традиционно), тотального анализа остатков зоофауны из погребений при детальной фиксации положения артефактов и тела погребенного, масштабного применения естественнонаучных методов при обработке материала.

Одним из интересных феноменов средневековой культуры следует считать парные погребения. Проблема одновременности и символики подобных погребений впервые стала предметом специального рассмотрения на материалах могильника Нефедьево с территории Русского Севера, датированного XI–XIII вв. В результате детального анализа Н. А. Макаров² показал, что выявленные 8 примеров парных ингумаций производились вплотную друг к другу, располагались симметрично, но не были одновременными. Интересно отметить, что во всех случаях это были погребения мужчины и женщины, как правило, молодого и среднего возраста. Возраст пар мало отличался друг от друга (значения общего биологического возраста располагались в пределах одного интервала). По данным антропологии не выявлено каких-либо отличий от индивидов, погребенных одиночно. Более того, по результатам анализа близкородственных связей можно утверждать, что индивиды из парных погребений, несомненно, являются частью общины, оставившей этот памятник³.

¹ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 216 с.; Его же. Русский Север: таинственное Средневековье. М.: Изд-во РФФИ-ИА РАН, 1993. 192 с.; Его же. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.: Изд-во НИЦ «Скрипторий», 1997. 386 с.; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.; Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 1: Средневековые поселения и могильники. М.: Наука, 2007. 374 с., Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. 365 с., Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. 233 с.

² Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. С. 141–143.

³ Бужилова А. П. Часть II. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) // Макаров Н. А.,

По данным археологии для этих парных ингумаций отмечается своеобразная симметрия: одинаковые размеры погребальных ям, единая конструкция гробов, сходное положение тел (лежали на спине, на одном уровне голова и плечи, сходное положение рук), одинаковое размещение погребальных артефактов. Даже в случае захоронения вероятных основателей поселения (погребения 19 и 20) тела убитых собак (единственный случай на памятнике) располагались одинаковым образом и в ногах погребенных⁴.

На основании полевых отчетов Н.А.Макаров (1990) провел сравнительный анализ погребальных памятников XI–XIII вв. Юго-Восточного Приладожья, Юго-Западного Белозерья, Костромского Поволжья и Суздальского Ополя, пытаясь выявить сходные случаи парных погребений. Благодаря хорошо документированным комплексам некоторых могильников ему удалось надежно реконструировать тот же ритуал, который был зафиксирован в Нефедьево.

Таким образом, выявленный исследователем обряд парного погребения мог иметь определенную социальную символику в жизни древнерусского населения, маркируя важность отношения общества к отдельной т.н. малой семье⁵. Значимость этой социальной ячейки кажется еще более очевидной при условии, что на средневековых могильниках планиграфически родовые участки (захоронения большой семьи) строго не выделяются, хотя на примере отдельных памятников рядность погребений и определенный порядок расположения могил фиксируется уже на ранних этапах функционирования кладбища.

Парные погребения XI века

Развивая идею социальной реконструкции путем анализа погребальных обрядов первых переселенцев на Русский Север, обратимся к другим примерам, выявленным в этом регионе.

Подчеркнем, что гипотеза Н.А.Макарова о распространении традиции парных погребений в этом регионе нашла подтверждение еще на одном памятнике, исследованном им позднее, чем могильник Нефедьево. И это крайне важно, так как прежде все сопоставления проводились по материалам полевых отчетов.

Исследованный погребальный комплекс Минино II располагается на открытом пространстве луга и частично на поросшей лесом территории береговой террасы озера Кубенское Вологодской области в нескольких десятках километров от Нефедьево⁶.

Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М. : Языки русской культуры, 2001. С. 239.

⁴ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М. : Наука, 1990. 216 с.

⁵ Там же.

⁶ Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т.1 : Средневековые поселения и могильники. М. : Наука, 2007. 374 с.

В 2001–2004 гг. было заложено несколько раскопов, которые выявили разные по хронологии и обряду погребальные комплексы. Было зафиксировано не менее 65 средневековых погребений по обряду ингумации, помимо этого около двух десятков по обряду кремации. Могильник частично нарушен поздними перекопами и распашкой. В силу того, что часть площади была недоступна для раскопок, было вскрыто, по мнению Н.А.Макарова, не более половины погребений⁷.

В результате специального рассмотрения исследователям удалось показать два примера парных погребений, которые в точности повторяли те, что были описаны при анализе ингумаций Нефедьево. Первая пара (погребения 9 и 10) дала достаточные свидетельства одновременности совершенных погребений, так как яма погребения 10 была частично прорезана соседней могилой 9, а смещенная во время подзахоронения женщины лучевая кость мужчины оказалась в заполнении ямы женского погребения. Кроме того, анализ погребального инвентаря обеих ингумаций дает строгую хронологическую привязку, и позволяет подтвердить, что женское погребение совершено позднее примерно на полстолетия⁸.

По данным антропологии мужчина из погребения 9 был среднего возраста (Maturus), крупного телосложения, с признаками хорошего физического развития, которое реконструируется благодаря развитию костного рельефа в области прикрепления глубоких мышц и связок. На длинных костях скелета, в особенности верхних конечностях, отмечен значительно выраженный костный рельеф с явной правосторонней асимметрией. Средняя выраженность признаков холодного стресса на лицевом отделе черепа, как и вероятные последствия обморожения (переохлаждения) на правой дистальной фаланге первого пальца стопы, свидетельствуют, что он значительную часть времени проводил на открытом воздухе в разные сезоны года, в том числе и в холодное время межсезонья с повышенной влажностью (состояние, наиболее способствующее переохлаждению).

Отмеченный на скелете артроз тазобедренных суставов с расширением суставной поверхности и образованием краевых разрастаний на головках бедренных костей, вероятно, может быть последствием не возрастных изменений, а тяжелого физического труда в условиях частого переохлаждения.

Фиксация значительного по степени распространения зубного камня практически на всех зубах косвенным образом свидетельствует об употребле-

⁷ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс: погребальные памятники // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / под ред. Н.А.Макарова. Т.1 : Средневековые поселения и могильники. М. : Наука, 2007. С. 130–184.

⁸ Там же.

Таблица 1
 Результаты химического анализа микроэлементов
 по останкам индивидов из погребений Минино
 (по результатам М.В.Добровольской)

№ погребения	Пол	Zn (ppm)	Cu (ppm)	Sr (ppm)
Одиночные				
15	♂	75,34	2,02	19,30
17	♀	82,34	2,41	21,72
18	♀	67,95	1,26	13,89
19	♀	70,52	1,21	13,30
Парные				
9	♂	57,00	1,80	17,80
10	♀	66,90	1,70	15,90
20	♂	76,69	1,77	11,17
21	♀	57,44	0,75	18,14
27	♀	94,80	3,20	16,40
28	♂	61,00	0,79	18,10
Ярусные				
1	♀	70,20	3,70	27,60
4	♀	109,20	8,50	13,10

Рис. 1. Распространение зубного камня (указано стрелками) на зубах нижней и верхней челюсти индивида из парного погребения 9-10. Фото автора

нии вязкой мягкой пищи с присутствием белкового компонента (рис.1). Сравнительный химический анализ микроэлементов показал⁹, что ежедневная диета этого мужчины мало отличалась от еды других членов общины, наиболее приближаясь к унифицированной диете индивидов из парных по-

⁹ Сравнительный анализ проводился по данным, полученным М.В.Добровольской. Пользуясь случаем благодарю свою коллегу М.В.Добровольскую, сотрудника Института археологии РАН, за проведение химического анализа микроэлементов индивидов из серии Минино.

гребений (табл. 1; рис. 2). Незначительная по выраженности эмалевая гипоплазия на передних зубах подтверждает случайность негативных факторов среды, которые на короткое время приостанавливали рост и развитие его организма в детские годы.

При анализе маркеров профессиональной активности на верхней челюсти справа обнаружены микроповреждения коронки первого предкоренного зуба из-за надкусывания твердых предметов. Кроме того, в области коренных зубов на верхней челюсти с лингвальной стороны фиксируется формирование костного валика у основания зубов, что можно рассматривать как компенсаторную реакцию на функциональную нагрузку зубочелюстного аппарата. В целом зафиксированные признаки можно считать свидетельством использования зубов для обрывания нитей, надкусывания твердых предметов и других подобных хозяйственных ежедневных занятий, способствующих нагрузке на зубочелюстной аппарат.

Останки женщины из погребения 10 сохранились хуже. Женщина старшего среднего возраста (Maturus 2). У нее отмечена ранняя потеря зубов верхней и нижней челюсти. По меркам Средневековья она достаточно массивна. По результатам анализа маркеров двигательной активности можно утверждать, что у нее была гармонично развита мускулатура, признаков профессиональной специализации не обнаружено. Несмотря на средний возраст, у нее отмечаются старческие возрастные признаки остеохондроза позвоночника. Химический анализ микроэлементов свидетельствует о традиционной диете, сходной, прежде всего, по составу с диетой, реконструированной у женщин из одиночных погребений 18 и 19 (рис. 2).

Анализ дискретно-варирирующих признаков, как и анализ митохондриальной ДНК, проведенный группой авторов¹⁰, не выявил биологического родства индивидов из парного погребения 9-10 (табл. 2).

Другая пара погребенных (60-61) сохранилась хуже из-за нарушения могил поздней распахкой. По мнению Н.А.Макарова¹¹, этот комплекс, как и предыдущий, относится к XI в. (рис.3). В целом можно, как и в первом случае, говорить о максимально близком размещении погребений мужчины (возраст Adultus 2) и, вероятно, по данным археологии, женщины (останки не дают убедительной антропологической экспертизы пола). Женщина, как и в первом случае, по меркам биологического возраста старше мужчины (Maturus). У нее, несмотря на относительную массивность костяка, есть свидетельства нарушения роста и развития в детские

¹⁰ Куликов Е.Е., Бужилова А.П., Полтараус А.Б. Молекулярно-генетическая характеристика средневековых популяций с территории Русского Севера // Генетика. Том 40. № 1. 2004. С. 1-9.

¹¹ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс... С. 182.

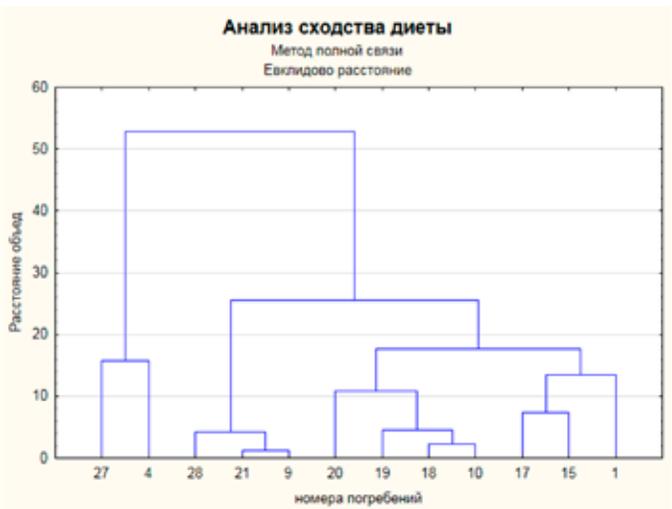
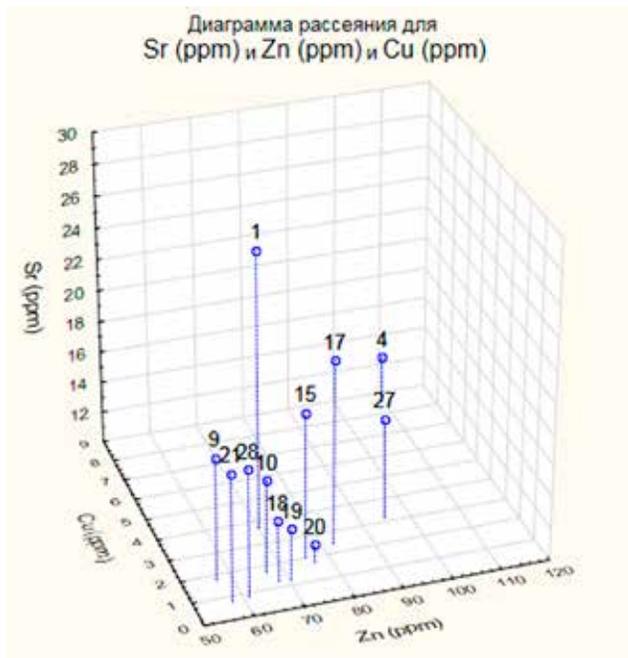

Рис. 2. Результаты анализа сходства диеты изученных индивидов с использованием диаграммы рассеяния (А) и кластерного анализа методом полной связи (Б)

Таблица 2
Результаты генетического анализа митохондриальной ДНК по останкам индивидов из погребений Миныно

№ погребения	Пол	Митотип ДНК
Одиночные		
15	♂	митотип гаплогруппы H
17	♀	митотип гаплогруппы H
18	♀	митотип гаплогруппы H
19	♀	митотип гаплогруппы H
Парные		
9	♂	митотип гаплогруппы I с нуклеотидными заменами 16129 G-A, 16223 C-T.
10	♀	митотип гаплогруппы H
20	♂	митотип гаплогруппы H
21	♀	митотип гаплогруппы H
27	♀	митотип гаплогруппы H
28	♂	митотип гаплогруппы H с нуклеотидной заменой 16129 G-A.
Ярусные		
1	♀	митотип гаплогруппы H
4	♀	митотип гаплогруппы H

годы, вероятно, связанные с сезонным голоданием (эмалевая гипоплазия). Как и у женщины из предыдущей пары, у нее отмечено значительное развитие остеохондроза. На поясничном позвонке обнаружено еще и последствие грыжи – т.н. узел Шморля, видимо из-за тяжелых физических работ, связанных с поднятием тяжестей или другими элеваторными нагрузками. Сохранность костяка мужчины мало удовлетворительная, на сохранившихся останках каких-либо особенностей не обнаружено.

На этом могильнике можно выделить еще одно парное погребение (20–21), которое, несмотря на сходную с предыдущими случаями хронологическую дату, отличается от предыдущих тем, что погребенные были захоронены в одну общую яму с небольшим временным интервалом¹². Мужчина немного старше женщины (Maturus 1). У него фиксируется воспаление околоносовых пазух из-за травмы носа. Следовые признаки индикатора холодного стресса в лицевой области свидетельствуют об активной трудовой деятельности на открытом пространстве в холодном и влажном климате. Развитие рельефа в месте прикрепления глубоких мышц подтверждает гипотезу об активной трудовой деятельности. На верхней челюсти справа на коронке второго резца обнаружена выемка, которая формируется от частого использования коронки для обрывания нити или других прочных материалов (т.н. зуб портного). Реконструкция диеты этого индивида показывает, что характер его питания мало отличается от питания индивидов, проживавших в тот же хронологический период (погребения 10, 18 и 19).

В области коренных зубов у него обнаружен кариес с осложнением по типу абсцесса (одонтогенный остеомиелит). Для него характерно наличие зубного камня. Вероятно, обнаруженные патологии

¹² Там же. Рис. 4.

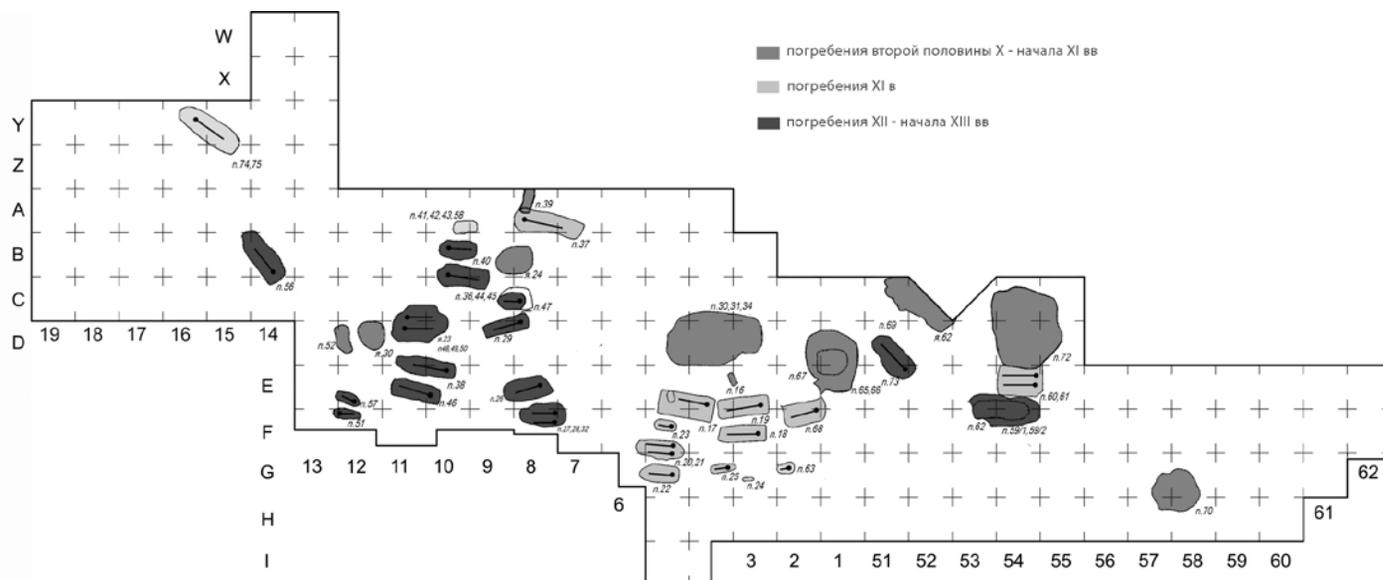

Рис. 3. Погребения различных хронологических периодов в раскопе 3 могильника Минино II (по: Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Мининский археологический комплекс...)

скорее возрастные, чем характеризуют тип питания этого индивида. Анализ мтДНК показал наличие митотипа гаплогруппы Н т.н. Кембриджской последовательности (табл. 2).

Женщина чуть моложе по возрасту (Adultus 2). При анализе антропологических особенностей и патологий демонстрирует наличие общих физических нагрузок с упором на нижние конечности. У нее кариес на жевательной поверхности одного из коренных зубов. По типу питания она наиболее близка мужчине из парного погребения 9–10 и мужчине из парного погребения 27–28, в то время как погребенный с ней мужчина приближается по микроэлементному составу с женщинами из парного погребения 9–10 и одиночных 18 и 19. Отметим сразу, что достоверных различий в питании по полу в этой серии не обнаружено, так что наше наблюдение носит случайный характер. Полученные результаты мы склонны рассматривать как свидетельство отсутствия каких-либо гендерных различий в диете.

Как и у погребенного рядом с ней мужчины у нее выделен митотип ДНК гаплогруппы Н (табл. 2).

Подводя итоги, обратим внимание, что описанные комплексы имеют устойчивый ряд признаков, что позволяет вслед за Н.А. Макаровым говорить о существовании у первопоселенцев традиции пространственного выделения на погостах парных захоронений мужчин и женщин, возможно, объединенных брачными узлами. Правда, большая часть индивидов (около 65%) все же погребена в одиночных ингумациях без очевидных выделений пар, но к этому числу относятся индивиды из заведомо более поздних по хронологии захоронений. При учете хро-

нологии погребений важно обратить внимание, что на переломе XII–XIII вв. появляются совместные погребения, которые отличаются от описанных комплексов другими характеристиками.

Совместные погребения XII – начала XIII века

Первое – и важное отличие – размещение парного погребения одновременно в одну могильную яму. Во-вторых, тела располагаются не на спине, а на боку, лицом друг к другу. В-третьих, определяется строгая локализация тела в зависимости от пола погребенного: женский скелет располагается справа, а мужской – слева. Можно полагать, что погребенные располагались в одном гробу¹³.

Мужчина среднего возраста (Maturus) из одномоментного парного погребения 48–49 отличается массивностью сложения, у него реконструируется значительное развитие мышечного покрова. На поясничных позвонках фиксируются грыжи (центральный узел Шморля). О тяжелом физическом труде, кроме перечисленных признаков, свидетельствует и ранний артроз суставов фаланг пальцев кисти. Анализ травм и повреждений выявил заживший перелом правой ключицы; на правой большеберцовой в области присоединения связки (lig. tibiofibulare) отмечены следы остеобластической реакции, возможно, следствие подвывиха голеностопа. Обнаружено еще одно последствие травмы, которое фиксируется

¹³ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс... С. 130–184.

Рис. 4. Погребение 20-21. Раскоп 3 могильника Минино II (по: Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Мининский археологический комплекс...)

на нижней челюсти: на суставной поверхности мыщелков ветвей нижней челюсти фиксируется артроз с признаками нарушения площади суставной поверхности. Все описанные травмы несут очевидный бытовой характер. О нелегком, возможно, с недостатком питания детстве можно судить и по значительному изгибу бедренных костей, быть может, вследствие перенесенного рахита. Анализ зубных патологий подтвердил, что этот индивид не отличается от других. У него отмечен случай кариеса и незначительный зубной камень, что косвенно подтверждает типичную для общины Минино диету.

Женщина примерно того же возраста (Maturus 2) отличается средними параметрами костяка. Для нее характерно значительное развитие костного рельефа в области прикрепления глубоких мышц на нижних конечностях, остеохондроз позвоночника, что вкрупне подтверждает тяжелый ежедневный физический труд. Анализ травм выявил заживший перелом носа с

осложнением в виде ринита (воспаление околоносовых пазух), вероятно, из-за искривления носовой перегородки вследствие травмы. Из зубных патологий следует отметить парадонтоз, что для ее возраста скорее норма, чем исключение. К сожалению, по данным антропологии нас нет возможности прояснить причины одномоментной смерти этой пары.

В другом совместном погребении 27-28 мужчина (Maturus 1) отличается крупным телосложением с хорошим физическим развитием мышц. У него отмечается очевидная правосторонняя асимметрия в физических нагрузках. Зафиксированы признаки остеохондроза, причем со смещением выраженности признаков на левую сторону, что лишней раз подтверждает очевидную праворукость индивида. Анализ травм и повреждений костей показал наличие зажившего перелома в нижней трети левой большеберцовой кости, а также заживший перелом носовых костей с признаками ринита (воспаления околоносовой пазухи), вероятно, из-за искривления носовой перегородки вследствие перелома носовых костей. Обе травмы носят бытовой характер. Анализ зубных патологий показал раннюю потерю коренных зубов и развитие парадонтоза, последнее вполне согласуется с возрастом исследованного индивида. На сохранившихся передних зубах отмечены следы эмалевой гипоплазии – свидетельства перенесенных физиологических стрессов в детском возрасте. Химический анализ микроэлементов показал сходство диеты этого индивида с индивидами из других более ранних по хронологии парных погребений (табл. 1, рис. 2).

Женщина из этого парного погребения (могила 27) отличается средними параметрами костяка. У нее, как и у других женщин Минино, фиксируются признаки тяжелых физических нагрузок, которые в этом возрасте отмечаются усилением выраженности остеохондроза в поясничной области, наличием грыж (узлов Шморля) на позвонках этого отдела, энтезопатии в области присоединения связки (lig. tibiofibulare) большеберцовой и малоберцовой костей левой стороны, вероятно, из-за травмы голеностопа. Анализ зубных патологий выявил присутствие кариеса и распространение зубного камня. Химический анализ микроэлементов выделил эту женщину, как и погребенную из могилы 4 из других. Диета обеих отличается большей долей белковой пищи (табл. 1, рис. 2).

В отличие от предыдущих парных погребений как XI, так и XII–XIII вв. в этом совместном погребении в области правого колена женщины обнаружены останки ребенка 2–3 лет. Скелет плохо сохранился (рис. 5). Каких-либо выводов об одномоментной причине гибели как ребенка, так и взрослых индивидов сделать не представляется возможным.

Анализ дискретно-варирующихся признаков, как и анализ митохондриальной ДНК не выявил биологического родства половозрелых индивидов

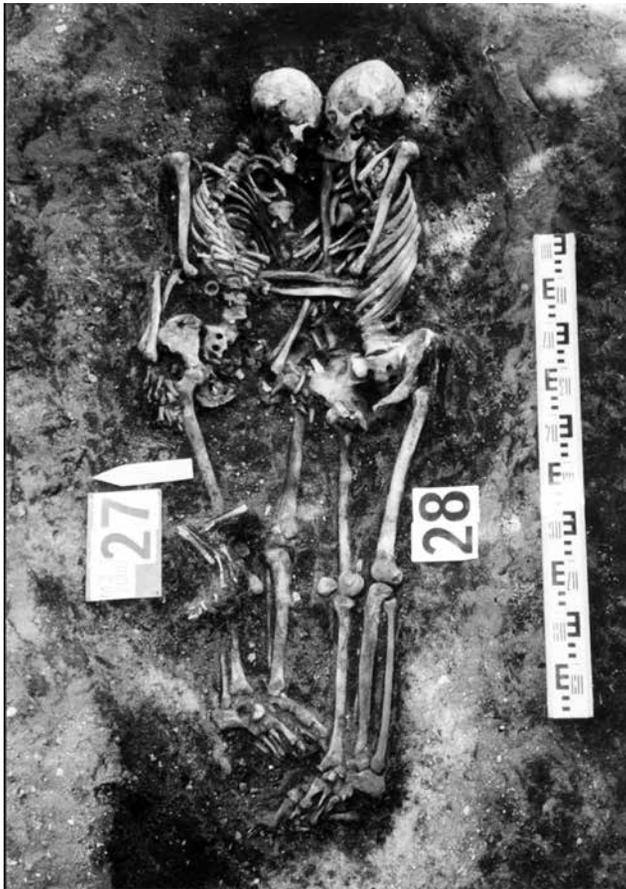

Рис. 5. Погребение 27–28. Раскоп 3 могильника Мичино II (по: Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Мининский археологический комплекс...)

из этого парного погребения. У мужчины обнаружен митотип гаплогруппы Н с нуклеотидной заменой 16129 G-A, а у женщины наличие митотипа гаплогруппы Н т.н. Кембриджской нуклеотидной последовательности (табл. 2).

Сходный вариант совместного погребения взрослой пары и ребенка можно зафиксировать на примере комплекса 59/I, 59/II и 62. Это погребение мужчины, женщины и ребенка. К сожалению, ингумация плохо сохранилась из-за повреждений в ходе поздних распашек, поэтому нет возможности охарактеризовать положение тел умерших. По данным археологи читается яма для погребения 62, расположенная чуть ниже более широкой по площади ямы с погребенными 59/I и 59/II. По данным антропологии фиксируется, что погребенные – это мужчина и женщина примерно среднего возраста (Maturus 2, женщина, может, чуть старше) и ребенок 3–4 лет. У женщины отмечена очевидная праворукость в силу профессиональных двигательных нагрузок, на правой ключице следы давно зажившего перелома. На правом плечевом суставе следы артроза. На фалан-

гах стоп обнаружены свидетельства артрозных изменений, возможно, в силу возраста.

У мужчины по данным эмалевой гипоплазии сохранились свидетельства нарушения роста и развития в возрасте 3–4 лет, вероятно, из-за недостатка питания. В целом сохранность останков мало удовлетворительная, поэтому информация по этому индивиду минимальна. По сохранившимся малочисленным останкам ребенка мало что можно сказать с уверенностью. В целом, как и в предыдущем случае, причина смерти мужчины, женщины и ребенка по данным антропологии не реконструируется.

Если продолжить обсуждение одновременного захоронения детей и взрослых, то важно отметить на погосте наличие двух специфических комплексов. Первый – это могильная яма 36 погребенного мужчины (возраст Maturus), в верхней части заполнения которой расчищены останки двух детей примерно восьми лет (№№ 44 и 45). Мужчина, как и другие из совместных погребений, отличается отличным физическим развитием. В поясничной области у него фиксируются следы остеохондроза, а на грудном и одном из поясничных позвонков центральные узлы Шморля. У него отмечены разного рода бытовые травмы: заживший перелом носовых костей; заживший перелом в нижней трети диафиза локтевой кости; энтезопатия в области связки правого голеностопного сустава (lig. cosotoclaviculare), вероятно, из-за подвывиха. Из-за искривленной носовой перегородки вследствие перелома носовых костей зафиксированы следы воспаления околоносовых пазух (ринит). Как у многих мужчин в этой группе у него отмечен зубной камень.

Что касается детских останков, то у каждого из детей фиксируются следы анемии в области орбит, т.н. Cribra orbitalia. Это не может рассматриваться как причина смерти, но говорит об ослабленном здоровье индивидов.

Второй комплекс – это могильная яма, гораздо меньше по размеру, чем традиционные ингумации, вписанная в структуру рядов других погребений на погосте. В ней обнаружены останки 4 индивидов: мужчины и трех детей, тела которых, судя по органическим остаткам, были тесно спеленаты. Мужчина молодой (возраст Adultus), с признаками гармоничных физических нагрузок. У него, как и у одного из детей (№ 43), сохранились т.н. пальцевидные вдавления на нижней пластинке черепа, что можно с некоторой долей условности рассматривать как индикатор биологического родства взрослого и ребенка. Крайне важно, и что не вызывает сомнений, так это наличие весьма характерного и значительно развитого т.н. бугорка Коррабели на коренных зубах всех трех детей. Это, несомненно, можно рассматривать как свидетельство биологической близости погребенных. У самого младшего ребенка 2–3 лет (№ 41) есть неоднозначное свидетельство

активной фазы цинги, что могло стать причиной его гибели.

Последний пример совместного захоронения взрослого и детей не оставляет сомнений в трагической причине гибели родственных людей, возможно, из-за голода, если опираться на выявленную причину гибели одного из погребенных. Вероятно, по каким-то причинам не было возможности осуществить погребение этих людей вовремя. Оно было осуществлено позднее, когда останки перенесли на общее кладбище и предали их земле.

Двойные ярусные погребения

На примере памятника Минино II был вычленен еще один вариант двойного захоронения – ярусное по ориентации могил¹⁴. Так, погребение № 1 было впущено в яму другой могилы (№ 4) и помещено строго над ним, но на 35 см выше. Оба эти погребения принадлежали женщинам. Они были совершены в разное время, но с относительно небольшим хронологическим разрывом. Важно пояснить, что для сельских могильников такого рода погребения ни разу не отмечены. Аналогичное для Минино двойное ярусное погребение женщин известно в этом регионе только в городском некрополе Белоозеро – Крохинские пески¹⁵. Близкие по характеру ярусные захоронения традиционно встречаются в городских могильниках, и такая структура обычно объясняется высокой концентрацией погребений на ограниченных площадях. В этих случаях ярусные погребения могут содержать разновозрастных и разнополых индивидов.

Останки женщины из погребения 1 не очень хорошо сохранились, хотя наличие практически всех отделов скелета прослеживается. В целом размеры костей скелета в пределах средних значений. Отмечается незначительная стертость крупных суставных поверхностей, остеохондроз средней степени выраженности, что в пределах возрастной изменчивости *Maturus-Senilis*. В поясничном отделе на третьем поясничном позвонке фиксируется центральный узел Шморля. При анализе зубных аномалий отмечены только возрастные изменения: равномерная стертость жевательной поверхности зубного ряда (4–5 балл), образование вторичного дентина на корнях коренных зубов. На клыке верхней челюсти следы эмалевой гипоплазии, указывающие на остановки роста и развития в детском возрасте. Химический анализ микроэлементов показывает, что ее диета была в пределах значений, известных для этой группы, но отличается высокими значениями Sr (табл. 1). Завышение уровня этого элемента

¹⁴ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс... С.130–184.

¹⁵ Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. С.18.

может быть связано с повышением удельной доли растительной, в первую очередь зерновой, пищи в рационе. В целом ее диета наиболее близка индивидуам из одиночных погребений 15 и 17 (рис.2).

Останки женщины из погребения 4 дали много интересной информации. Судя по костяку женщина довольна массивна; отмечается усиленное развитие костного рельефа, особенно на костях верхнего пояса конечностей. Очевидно, у нее были развиты дельтовидные мышцы, бицепсы и трицепсы. На ключицах, особенно правой стороны, отмечены дефекты костной ткани в виде полостей (энтесопатии) в местах прикрепления грудиноключичной связки. На правой ключице значительно развит рельеф в месте прикрепления трапецевидной мышцы. На правой лопатке отмечается более значительное развитие костного рельефа по сравнению с левой в местах прикрепления дельтовидной мышцы и трицепса. Таким образом, определенно различается правосторонняя асимметрия, возможно, вследствие специфической трудовой деятельности. На поясе нижних конечностей выделяется значительное развитие костного рельефа в месте прикрепления икроножных мышц. Следует обратить внимание на развитие костных «шипики» в месте прикрепления большеберцовой-малоберцовой связки на левой малоберцовой кости. Это может быть результат микротравмы мышц и сухожилий в голеностопном суставе (часто бывает у всадников).

На сохранившихся позвонках в шейном отделе отмечаются признаки остеохондроза. Кроме того, 3, 4 и 5, 6 грудные позвонки попарно анкилозированы вследствие оссификации боковых связок справа и слева. Причем у 5 и 6 позвонка отмечена костная оссификация не только тел, но и дуг позвонков. В поясничной области фиксируется развитие горизонтального остеофитоза в слабой степени выраженности. В тазо-крестцовом сочленении суставные поверхности имеют краевые разрастания. Краевые разрастания с признаками истертости гиалинового хряща (полировка кости) отмечены и на головке правой плечевой кости, конгруэнтной суставной поверхности лопатки. На дистальных фалангах стоп фиксируются следы порозности и ранней изношенности суставных поверхностей.

Анализ зубных аномалий показал, что все зубы верхней челюсти, за исключением клыков, выпали при жизни индивида. На нижней челюсти прижизненно утрачены два коренных зуба справа. Альвеолы потерянных зубов облитерированы, следовательно, зубы были утрачены задолго до смерти индивида. На сохранившемся клыке нижней челюсти отмечен зубной камень. Суставная поверхность левой ветви нижней челюсти демонстрирует патологическую стертость гиалинового хряща со следами полировки кости. Возможно, это результат травмы (вывих нижней челюсти, например, от удара). Носовые ко-

сточка несут следы зажившего перелома от удара по носу справа. Возможно, преждевременная потеря зубов индивида связана с последствиями нелеченой челюстно-лицевой травмы.

На внутренней стороне лобной и теменных костей вдоль стреловидного шва отмечены следы арахноидоза. Кроме того, на эндокране в области лобной кости обнаружено костное образование неопределенной формы. Возможно, это последствия внутреннего лобного гиперостоза (*Hyperostosis frontalis interna*), связанного с нарушениями гормональной системы и обмена веществ. Нередко женщины с признаками этого синдрома выглядят весьма мужеподобно и проявляют некоторые формы агрессивного поведения¹⁶. Обе большеберцовые кости демонстрируют изгиб диафизов. Это может быть последствием перенесенного в детстве рахита.

Интересна реконструкция диеты этой женщины по результатам химического анализа микроэлементов (табл. 1). Рацион женщины по большей части был составлен белками животного происхождения и отличался от других жителей средневекового Минино, несколько сближаясь с традиционным белковым рационом охотников-рыболовов. Полученные данные статистически достоверны¹⁷. Обратим внимание, что по данным М.В. Добровольской реконструируется достаточно однородное питание у индивидов из Нефедьево, практиковавших комбинированный тип питания с очевидной долей растительной пищи. На фоне остальных статистически достоверно, помимо упомянутого индивида из ярусного погребения 1–4, выделяется еще и индивид 27 из парного погребения 27–28, у которого доля белковой компоненты была несколько выше. По данным археозоологии для жителей этого микрорегиона основными промысловыми животными были бобр, белка, лесная куница и лось¹⁸. Для пищевого рациона большую долю занимал промысел различных видов рыб, в основном щуки, окуня и различных карповых¹⁹.

¹⁶ Бужилова А. П., Соколова М. А., Перерва Е. В. Об эндокринных нарушениях у кочевых народов (на примере отдельных представителей сарматской культуры) // *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии*. М.: Изд-во ИА РАН, 2005. Вып. 4. С. 203–216.

¹⁷ Бужилова А. Реконструкция образа жизни древнего человека методами естественных наук. На примере археологического памятника Минино // *Труды отделения историко-филологических наук РАН*. М.: Наука, 2015. С. 318–333.

¹⁸ Савинецкий А. Б., Крылович О. А. Палеозоологические материалы и динамика промысловой фауны // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере*. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. С. 16–24.

¹⁹ Хамилтон-Дайер Ш. Результаты изучения костных остатков рыб // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере*. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. С. 25–29.

При анализе митохондриальной ДНК у обеих женщин обнаружен митотип гаплогруппы Н т.н. Кембриджской последовательности (табл. 2). Этот митотип не уникален, но в контексте парного ярусного погребального обряда есть основание предположить биологическое родство исследованных индивидов. К сожалению, анализ дискретно-варьирующих признаков и аномалий у этих индивидов не выявил сколь-нибудь явных свидетельств биологического родства. Однако принимая во внимание тенденцию к образованию довольно редких крайних вариантов артроза (полировка суставной поверхности) у обеих женщин, близкое родство исключить нельзя.

Если допустить нашу гипотезу о родственных связях этих женщин, то рассмотренный пример лишний раз подчеркивает важность родства и семейных уз для древнерусских колонистов, которые поддерживали эту идею во всем, даже при распределении погребений на погосте, не упуская возможности подчеркнуть родство спустя несколько поколений, совершая ярусные захоронения одного родственника над другим.

Заключение

Исследованные останки из парных погребений обоих вариантов (одновременные и нет) и разных хронологических периодов дают представление о том, что перед нами ординарные представители сельской общины. У них сходное питание, реконструируется сходный тип физической активности и антропологические особенности. На примере разных пар (например, 9–10; 27–28) можно утверждать, что размещенные в одном комплексе мужчины и женщины не объединяются биологическим родством, но, вероятно, связаны узами брака. С точки зрения палеогенетики интересно отметить, что во многих погребениях индивиды демонстрируют наличие митотипа гаплогруппы Н т.н. Кембриджской нуклеотидной последовательности; этот митотип является наиболее распространенным среди современного европейского населения и практически отсутствует у немногих, например, у саамов. А у мужчин из парных погребений выявлен митотип гаплогруппы Н с нуклеотидной заменой 16129 G-A, принадлежащий к числу наиболее быстро эволюционирующих локусов некодирующей области митохондриального генома человека. В наше время он встречается почти с одинаковой частотой в евразийских популяциях, однако заметно преобладает у германских народов и у некоторых финно-угорских. Последний, третий митотип гаплогруппы I (16223 C-T), обнаруженный у мужчины из погребения 9, считается очень древней митохондриальной мутацией, которая могла произойти еще на заре первых миграций рода Ното на территории Европы. Он встречается у современного населения с разной частотой, заметно преобладая у

представителей азиатско-американской и экваториальной рас. При таком единичном наборе признаков трудно исключить случайности, однако очень осторожно можно предположить, что брачевание в этом поселении шло как минимум между тремя крупными родами (оценка наследования по мтДНК только по женской линии). Возможно, степень родственных связей в этой группе была довольно высока. Анализ митохондриальной ДНК по 12 образцам из серии Минино показал максимально возможное присутствие т.н. Кембриджской нуклеотидной последовательности в серии – у 10 индивидов.

Символическое значение описанных погребений не требует специальных комментариев, а наличие этого феномена в культуре средневековых колонистов Русского Севера дает дополнительные свидетельства для реконструкции психологического склада семейно-родственных связей в общине, сущности религиозного сознания и архаичности выявленной традиции в замкнутой общине первопоселенцев.

Сложнее объяснить присутствие детских останков в парных погребениях XII–XIII вв., так у нас нет возможности оценить причины одновременной смерти взрослых и детей. Однако присутствие в серии случаев детской цинги, которые нам удалось определить на останках 8 детей из одиночных погребений (11, 14, 23, 24, 25, 31, 51 и 57), также как и смерть от цинги одного из детей из совместного погребения позволяют сделать предположение о присутствии в общине периодов голодания, что могло

стать причиной трагической гибели семей. При сравнительном анализе детских выборок севера Русской равнины серия Минино II выделяется среди прочих несколько завышенной частотой цинги – вероятного дефицита витамина С. В серии частота встречаемости заболевания достигает 38%²⁰.

Топографический анализ погребений детей с признаками цинги показал, что это одиночные погребения, которые, тем не менее, располагаются очевидными группами (например, №№ 23, 24 и 25; №№ 51 и 57). Подтвержденный диагноз на примере 8 случаев отражает все хронологические периоды функционирования погоста: от погребения 31 X–XI в. до погребений 51 и 57 – XII–XIII вв.

Таким образом, эти сведения можно рассматривать как отражение хронологических неблагоприятных периодов, связанных, в первую очередь, с нарушениями обеспечения питанием «свежей пищей» в общине, особенно в длительный зимний период, приводящими к вымиранию целых семей. Важно отметить, что погребение в этих трагических обстоятельствах осуществлялось, скорее всего, по принципу объединения индивидов в одной могиле в рамках семейных отношений.

²⁰ Бужилова А.П. Часть II. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. 2001. М. : Языки русской культуры, С. 227–276.

Summary

A. Buzhilova

Pair and Joint Medieval Burials in the Russian North (According to Anthropology)

One of interesting phenomena of Medieval culture should consider pair burials. The problem of simultaneity and symbolics of similar inhumation became a subject of special consideration which was carried out for the first time by N. A. Makarov on materials of a burial grounds of Nefedyevo from the territory of the Russian North dated the XI–XIII centuries. The ceremony revealed by the researcher could have a certain social symbolics in life of the Medieval Russian population, marking importance of the relation of society to a separate so-called small family. The anthropological analysis of the studied series allowed speaking after N. A. Makarov about existence at colonists of tradition of spatial allocation on country churchyards of pair

burials of men and women, perhaps, united by conjugal ties. At the accounting of chronology of burials it is important to pay attention that on a change of the XII–XIII centuries there are joint burials which differ from the described complexes, because of the presence also remains of children. Simultaneity of burials and results of the paleopatological analysis allow to assume that it signs of tragic death of people, is possible because of the hungry and unsuccessful periods of life of a community. Existence of a phenomenon of pair and joint burials in culture of Medieval colonists of the Russian North gives additional certificates for reconstruction of a psychological warehouse of family and related communications in a community.